

Николай Златовратский

Мой «маленький дедушка» и Фимушка

Как это было

Николай Златовратский

**Мой «маленький
дедушка» и Фимушка**

«Public Domain»

1911

Златовратский Н. Н.

Мой «маленький дедушка» и Фимушка / Н. Н. Златовратский —
«Public Domain», 1911 — (Как это было)

«Вот уж сорок лет прошло, а как хорошо я помню своего деда. Какая пестрая вереница разнообразных существований за эти долгие годы прошла предо мной, – то гордых и надменных, стоящих на самом «верху горы», то окруженных ореолом славы и почестей, пред которыми склонялись ниц целые толпы, то полных величавого самопожертвования, останавливавших на себе изумление всего мира, – и между тем никак, никак не могли они стереть с глубины души это, такое ничтожное, маленькое существование...»

© Златовратский Н. Н., 1911

© Public Domain, 1911

Содержание

* * *	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Николай Николаевич Златовратский Мой «маленький дедушка» и Фимушка

* * *

Вот уж сорок лет прошло, а как хорошо я помню своего деда. Какая пестрая вереница разнообразных существований за эти долгие годы прошла предо мной, – то гордых и надменных, стоящих на самом «верху горы», то окруженных ореолом славы и почестей, пред которыми склонялись ниц целые толпы, то полных величавого самопожертвования, останавливавших на себе изумление всего мира, – и между тем никак, никак не могли они стереть с глубины души это, такое ничтожное, маленькое существование... Проходят долгие годы, полные душевных смут, и вдруг из-за этой массы пережитых впечатлений нет-нет и встанет пред тобою это маленькое существование, такое живое, такое одушевленное, полное плоти и крови. Да и не одно оно, а непременно вместе с ним и еще много таких маленьких и ничтожных существований, – и охватит душу тихое упоение детской веры и любви...

Чаще всего дед является мне после долгих и тяжелых душевных смут в виде маленькой-маленькой фигурки, низенькой, худенькой, в камлотовом¹ подряснике², с жиденкою темно-русою бородкой клинышком, с сухою загорелою лысиной, около которой выются остатки кудреватых косичек; смотрит он на меня съезжившимися маленькими глазками, смотрит и смеется, – и я засмеюсь... Потом он непременно вынет из длинного кармана кубовый платок и берестяную табакерку и, будто подразнивая меня, начнет постукивать об нее костлявыми суставами, а сам опять подсмеивается: «Вот, Коляка, видишь дьякона-то – какой он!.. Хе-хе-хе!.. А ведь он, дьякон-то, дедушка твой!.. Видал ли дьяконов-то? Да где!.. Разве у вас в городе такие дьякона-то?.. А у нас вот как, Коляка, дьякона-то живут, ну-ка!»

И вдруг маленькая фигурка в подряснике, раскинув руки, прямо пред всею деревенской улицей начинает слегка приседать и притоптывать, а тоненький-тоненький тенорок, как комариный звонок, кажется, сейчас еще звенит у меня около уха:

Как под яблонькой такой,
Под кудрявой зеленой!..

– Хе-хе-хе!.. Вот у нас, Коляка, как дьякона-то весело живут!.. Коли погостишь у деда подольше, так я тебе еще то ли покажу!.. Хе-хе-хе! – смеется опять дед прямо мне в лицо, и я смеюсь, и вся белая, вся душистая яблоня смеется вместе с нами, и вся деревенская улица смеется.

– Он тебе, дедушка-то, еще то ли покажет: погости-ка у нас подольше! – подтверждает деревенская улица. И мне кажется, что мой «маленький дедушка» (Я звал его так в отличие от «толстого» дедушки – благочинного, по матушке), – мне кажется, что он действительно показывает мне что-то важное, любовное, веселое: то – мое детство, самое раннее, зеленое детство проносится предо мною и, как бледная зорька, гонит с души тусклый сумрак душевных смут... Но отчего ж так дороги мне эти детские ранние зори?..

¹ Камлотовый – сделанный, сшитый из камлота, плотной шерстяной ткани (с примесью шелка или хлопчатобумажной пряжи) в полосу.

² Подрясник – длинная одежда с узкими рукавами, надеваемая под рясу.

Я расскажу вам теперь об этом, потому что в последнее время как-то чаще, чем прежде, стал посещать меня мой «маленький дедушка», приводя с собой, из тьмы позорного забвения, ряды таких же, как он, маленьких и ничтожных существований.

Прошло всего, кажется, сорок лет, а какое уж далекое время было, такое далекое, что если бы могли перенестись усиленным воображением на тогдашнюю сельскую улицу, вы увидели бы, как наш батюшка-поп, с большим животом и сивою бородой, в тихий летний полдень сидит на своей завальне в одной, длинной по колена, белой, без пояса, рубахе и, сложив на этом большом животе красные руки, беззвучно хохочет вместе со всею деревенскою улицей – над чем? А над моим «маленьким дедушкой», которого тут же, на этой самой деревенской улице, моя толстая, высокая, суровая бабка, с большими бровями, в красном повойнике, с подоткнутым за пояс подолом, бьет кочергой по его сухой и костлявой спине, а я верезку благим матом, схватившись за ее подол и стараясь оттащить ее от несчастного и оробевшего деда. Вы увидели бы также, как в тот момент, когда неожиданное для деревенской улицы веселье уже достигало, кажется, наивысшей степени, вдруг раздается пугливый окрик: «Господа идут!» – и все живое, что было на этой улице: и батюшка-поп в белой рубахе, и целая уйма мужицких смеющихся бород, и сама моя суровая бабка, схватившая за что попало меня и деда, – внезапно и без остатка исчезало за заборами и калитками своих убогих хат. Вот какое далекое это было время, когда жили на свете близкие мне маленькие и ничтожные существования.

Да, невозможно мне скрыть, что нередко случались с моим «маленьким дедушкой» эти неприятности, потому что дедушка любил выпить, а выпивши, любил прежде всего целый день-деньской гулять по этой деревенской улице и, остановившись перед своею хатою, дразнить бабушку своим комариным тенорком с притоптыванием. Ну, да простятся же старой, запуганной и угнетенной сельской улице эти невинные минуты патриархального увеселения, так как все же не потушили они мои детские ранние зори и из-за них не переставала тлеться в маленьких, ничтожных существованиях «искра божия»!

И вот, когда мой «маленький дедушка», являясь мне, переносил меня в это далекое прошлое, мне прежде всего припоминалось одно из самых важных событий моей юности, имевшее большое значение как для всей моей жизни, так и для жизни близких мне по крови и духу. И это потому, конечно, что самое событие запечатлелось во мне неразрывно с образом деда. Событие это в общем всегда представлялось мне довольно смутным: оно прошло чрез мою душу только какими-то отрывочными, но яркими полосами света и оставило на ней неизгладимый след.

Шел мне тогда уже двенадцатый год. В начале лета мы, я и две моих сестры – одна погодка со мной, другая еще грудная – с матушкой приехали, по обыкновению, гостить к дедушке из города. Приезд свой мы всегда пригоняли к престольному празднику в дедушкином селе, а затем оставались гостить на несколько недель; я же другой раз оставался один у дедушки на целое лето.

Однажды, вспоминается мне, сидели мы с дедушкой, как и всегда, около хаты, под любимую его старую яблоней, которая, перевесившись из сада через плетень на проулок, осеняла нас своею широкою тенью и обливала нежным своим ароматом. Здесь было любимое прибежище дедушки – и потому, что он в свободное время, сидя на опрокинутой кадушке, занимался здесь сапожным ремеслом, и потому, что «бегал» сюда от ворчливой и хозяйственной бабки, которая «не давала ему вдоха», когда он сидел в избе, и потому, наконец, что был он человек действительно «уличный», как обзывала его бабка, и только на этой деревенской улице, «на людях», чувствовал он себя вполне довольным и счастливым. Сидит, сгорбившись, дед и тачает какой-нибудь разбитый мужицкий сапог, я и сестренка копошимся около него, а матушка, сидя тут же на мураве, шьет и тихонько мурлыкает какой-нибудь «стих».

– Ты бы, Настя, про прекрасную мать-пустыню мне спела... Люблю, – говорит дед, умильно улыбаясь.

– Хорошо, папенька, – говорит матушка и тоненьким голоском начинает «Мать-пустыню». Я любил слушать, когда пела матушка, любил, думается мне, потому, что она всю душу уходила в песню; бывало, подопрет голову рукой, сама смотрит в неведомую даль, а из ее больших темно-карих глаз потоком льются слезы... Отчего она плакала, для меня в то время всегда оставалось загадкой, приводившей меня в недоумение, но пение ее слушать я не мог равнодушно, и у меня захватывало горло, сердце отчего-то билось, и мне хотелось уйти куда-то далеко-далеко за эту песней... Недаром любил и дед эти ее песни. Да они всегда были между собою большие приятели; оттого ли, что уж искони свекровь с снохой не уживаются, или потому, что слишком уж они рознились по складу души, только матушка жила не в ладах с бабкой и зато крепче дружилась с дедом.

Матушка – сколько я ни запомню ее в молодых годах – всегда представлялась мне какою-то... «необычной», в особенности с тех пор, когда я случайно услышал смутный рассказ о том, как она в девушках «бегала». Говорили, что был уже назначен у нее сговор с одним молодым богословом, который должен был взять с нею «место», как вдруг она пропала из дому с одною молодою черничкой, наказав сказать дома, что пошла «к святым местам». Долго бродила она с места на место, жила где-то в женском скиту и, наконец, вернулась исхудалая и изнеможенная, с истерзанными и опухшими ногами. А жених пождал-пождал и взял другую, с другим «местом»... После, когда я был уже постарше, я иногда с удивлением, незаметно, следил за нею, когда она вдруг, бросив хозяйство, остановится пред окном и долго-долго, сложив молитвенно руки, смотрит в беспредельную небесную лазурь. Я с боязнью думал тогда, что вдруг моя мама уйдет от нас... Бегство моей матушки невестой из-под родительского крова имело, однако, для нее те последствия, что «солидные» женихи свататься за нее боялись и «место» было сдано за младшею ее сестрой. Трудно сказать, что случилось бы с «беглою невестой», если бы случайно не встретила она с другим «мечтателем» – моим отцом. Он тоже бежал от «места». Кончив курс в семинарии, он, когда суровая и хозяйственная бабка уже приискала ему «невесту с местом», бежал в Москву «от свадьбы», думая поступить в университет, но у него не было ни средств, ни силы, чтобы перебиться год, необходимый для подготовки к экзамену, и он вернулся, изголодавший и обносившийся. Духовное начальство подозрительно отнеслось к «блудному сыну», и для него уже не оказалось «мест», к ужасу бабки. Тогда два «мечтателя» встретились и неразрывными узами связали себя на долгую страду «чиновничьей» жизни. И это была для них действительно одна бесконечная страда, от которой уже не было сил убежать, – страда, полная взаимных огорчений и недоумений... И вот почему в отрочестве осталось у меня такое впечатление, что как будто и батюшка, и матушка, и мы все живем не на своем месте, как будто все мы тут только «временно», и что каждому из нас где-то должно находиться совсем в других местах и служить другому богу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.